

704-94

Кио Эмиль

В своем жанре он был родоначальником.

Еще не обрушил на ошалевшую Москву сеанс черной магии бесподобный мессир Воланд, еще не кружились над партером и ложами Варьете самые натуральные червонцы, еще не исчезали черт-те где скромные служащие сцены и буфетного прилавка, не отделялась с полной шеи конференсье плачущая голова, несущая чушь, а Эмиль Теодорович Кио уже был — натурально в той самой Москве двадцатых и тридцатых, описанной Михаилом Афанасьевичем Булгаковым.

Он был родоначальником жанра, хотя, конечно же, сеансы белой и черной магии стары, как сам мир, и все эти исчезновения, превращения, нанизанные на шпагу карты, распиленные в черном ящике прекрасные дамы — суть вполне осязаемого обмана. Не знаю, как кому, а мне больше подходит тот его сорт, который поэт назвал нас возвышающим.

Впрочем, тут существует несколько вариантов. Если помните, у Булгакова конференсье Бенгальский, представлявший Воланда, утверждал перед публикой, что черной магии не существует и что она не что иное, как суеверие, а просто маэстро Воланд в высокой степени владеет техникой фокуса, что и будет видно из самой интересной части, то есть разоблачения этой техники.

Лет двадцать назад один журналист, искренне любивший цирк, выпустил небольшую книжечку, где объяснял недоте-читателю, насколько просты и элементарны фокусы и трюки Кио — здесь, дескать, то, а тут это. Нам иначе и нельзя с нашим материалистическим сознанием — ведь ежели до чего и докапываться, то чтобы непременно с разоблачением.

Слава Богу, люди, приходящие в цирк, то есть те, кого мы называем высоким понятием публика, — не такие, и она — благородная, щедрая, доверчивая — публика тем более не такая.

Как уж так получается, что на стадионе — одна, в кино — другая, в театре — третья, а в цирке — совсем особая, попробуй разберись. Но доверьтесь мотиву феллиниевской флейты, печальным глазам рыжих и белых клоунов, доверьтесь детству своему, и вы окажетесь благодаря цирку там, где вам не оказаться никогда и ни за что, если вы будете все мерить прагматическим аршином.

Вообще-то всю свою сознательную детскую, юношескую и отчасти взрослую жизнь я не сомневался, что Эмиль Теодорович Кио — истинный маг и волшебник. Тем паче — не сомневаюсь сейчас. Ибо все, что он хотел и умел показать нам, он показал с такой степенью артистизма и естественности, что отпадает всякая необходимость в сравнениях, объяснениях и эпитетах.

Для цирка не обязательна метафора. Ведь метафора — он сам.

Позже, познакомившись и подружившись с сыновьями Эмиля Теодоровича — Игорем и Эмилем, — я оказался не только за кулисами цирка, но и за кулисами аттракциона, который они получили в качестве драгоценного наследства отца. Если кто подумает, что самая большая драгоценность этого наслед-

НАС ВОЗВЫШАЮЩИЙ ОБМАН

Кио — 100!

ства в какой-то необыкновенной аппаратуре, отработанности трюков, их абсолютной выверенности, он узнает не всю правду. Истинность наследства — в сфере другой необыкновенности, сегодня, увы, встречающейся все реже и реже.

В организации дела. По части организации дела в цирке Эмиль Теодорович Кио вряд ли имел себе равных. У него были не просто сотрудники и ассистенты, у него была феноменально профессиональная команда, созданная им, обученная им, преданная ему даже больше, чем до гробовой доски. Потому что команда эта не рас-

палась с его уходом из жизни, а осталась с сыновьями, осталась с Делом своего Мастера.

Эмиль Теодорович Кио долго завоевывал себе имя. Он прошел прекрасный российский путь участия в театральных антрепризах, когда кормили и давали путевку в искусство не столицы, а провинция, он не гнушался никакой работой. В цирке, между прочим, Варшавском и Чинизелли, во времена еще Первой мировой и Октябрьской революции, каких только профессий ни перепробовал. Выступал на эстраде. С достоинством носил одеяние индийского брамина. Ме-

нял роскошные восточные халаты, испытующе глядя в зал из-под пышной чалмы.

А потом сбросил все это с себя, как пелену с глаз, переоблачился во фрак, вышел на цирковой манеж и стал Кио.

Его сыновьям не надо было завоевывать имя — оно принадлежало им от рождения. Им нужно было лишь сохранить его, что порой бывает много труднее, особенно в искусстве.

Но вот в цирке, как правило, имя не просто передается по наследству. Имя лелеется в этом замкнутом пространстве манежа, откры-

т судам. Лелеется, потому что и вправду все династии тут трудовые. Никакой, самый отточенный номер не принесет тебе славы, если ты не вложишь в него семь потов собственного труда.

Игорь и Эмиль Кио похожи и не похожи. Похожи — оттого, что братья, оттого, что часто повторяют номера отца. Непохожи — оттого, что артисты, а еще потому, что принцип аттракциона Кио — постоянный контакт с публикой. А разве публика бывает одинаковой? Даже в цирке?

Жизнь дарила много возможностей лицеизреть это собственными глазами. В Москве, Киеве, Владивостоке, Минске, Тбилиси, Калининске, Казани, Львове... Начнешь перечислять — зареяют в глазах командировочные версты, и праздник впереди — цирка, запаха кулис, новых знакомств и старой дружбы. Дни рождения, юбилеи, просто потребность общения — это помимо командировок. А все это — помимо той работы, которая была всегда, приезжал ты или не приезжал, и выше нее для артистов ничего не существовало.

Для чего мы приходим в цирк — приобрести иллюзии или расстаться с ними? Кто ответит? Что слаще, а что горче в этом процессе? Вы перестали верить во что-то? Пойдите в цирк — поверите вновь непременно. Если и не во что-то великое, то по крайней мере во вполне житейское.

В то, что вокруг разлита радость и нет места печали и грусти. В то, что провести вокруг пальца можно не только вас, но и вашего степного соседа. В то, что длинноногие красавицы, покачивающие роскошными бедрами, вполне к вам благосклонны.

В то, допустим, что чудеса существуют и из ничего может возникнуть нечто; что из пустого в порожнее можно перелить бесчисленное количество воды, не расплескав ни капли и не наполнив сосуда; что по рассыпающемуся на ваших глазах канату можно забраться ввысь, как по металлическому стержню.

Что можно провалиться на месте, пропасть на виду у всех и вновь найтись в ящике под куполом цирка. Или, наоборот, не оказаться в этом самом ящике под куполом, когда вас туда прилюдно затарили.

Я знаю отгадки почти всех фокусов и трюков Кио. Я не хочу их знать и забываю о них, как только над манежем загораются три магические буквы.

Век в цирке не время. Столетие нашего самого великого мага и чародея, конечно, впечатляет, но когда ты видел, и не раз, его на манеже, то время немножко меняет очертания и окраску. Или ты уж не так молод, или он не настолько стар.

Между прочим, Игорю и Эмилю Кио на двоих уже больше ста.

Отец их, Эмиль Теодорович Кио, моложе.

Это в его честь в цирке на проспекте Вернадского 12 и 13 апреля состоится два гала-представления. Он все отдал цирку, и цирк возвращает ему свою любовь и уважение. Конечно, вместе с почтенной публикой.

Ал. АВДЕЕНКО.

● Эмиль Теодорович, Игорь Эмильевич, Эмиль Эмильевич Кио.